Луговцова, С.Л. «Заговор Канарского»: Мозырское демократическое общество и его участники / С.Л. Луговцова // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2010. — С. 297-315.

С.Л. Луговцова

«ЗАГОВОР КОНАРСКОГО»: МОЗЫРСКОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО УЧАСТНИКИ

На почтовой станции Крыжовка между Вильно и Минском 27 мая 1838 г. был арестован помещик Луцкого уезда Волынской губернии Игнатий Родзевич вместе со своим слугой Лукашом Чулянчиком. Почти сразу выяснилось, что под видом Чулянчика скрывался польский революционер Шимон Конарский, к тому времени активно разыскиваемый полицией. 30 мая 1838 г. Виленский военный губернатор Н. А. Долгорукий дал предписание № 585 о создании под председательством вице губернатора А. И. Трубецкого особой следственной комиссии «для раскрытия всех злоумышленников эмиссара Конарского». В члены комиссии вошли виленский губернский прокурор надворный советник Дубецкой, заседатель виленской уголовной палаты коллежский асессор Андерсон, капитан корпуса жандармов Арандаренко [1, л. 15—15 об.] .

В июне 1838 г. Ш. Конарский и И. Родзевич начали давать показания. Выяснилось, что в конце 1835 г. Конарский проник в пределы Российской империи, где в условиях постоянной конспирации и слежки создал на территории Литвы, Украины и Беларуси общество «Содружество польского народа», направленное против российского господства в крае. По делу о заговоре Конарского под следствием оказалось более 200 человек [12, с. 332]. Один из наиболее активных членов «Содружества» К. Мышковский, находясь в заключении, писал: «Людское мнение обыкновенно прославляет успешные действия, неудачные же знаменуются пятном бесславия» [8, с. 529]. Учитывая, что заговор был рас крыт и пострадали не только его участники, но и их знакомые и сочувствующие им лица, К. Мышковский ждал строгого суда от потомков. Ему очень хотелось, чтобы мы их правильно поняли, чтобы помнили… Давайте вспомним.

21 июня 1838 г. был арестован управляющий имением Рафаловка графини Олизар, расположенного в Луцком уезде Волынской губернии, Ян (сын Мауриция) Былевский [2, л. 388—389 об.]. Я. Былевский, 38 лет, уроженец Минской губернии, римско-католического вероисповедания. Был утвержден в дворянском достоинстве Минским губернским депутатским собранием, вследствие чего соответствующие документы были представлены на утверждение Герольдией (к моменту ареста соответ-

ствующее утверждение так и не состоялось). Былевский был женат на дворянке Анастасии Соколовской. В браке имел 3 детей римско-католического вероисповедания. По данным местной полиции, недвижимым имением он не владел, под судом и следствием по уголовным де лам не был, к тайным обществам не принадлежал. В 1830—1831 гг. участия в антироссийском восстании не принимал, находился во время военных действий против российских войск в Луцком уезде в арендованном имении Жолхин [3, л. 46—65 об.].

В ходе следствия выяснилось, что тайное общество появилось в Мозырском уезде еще в 1833 г. Создано оно было в аристократическом духе известного польского эмигранта князя А. Чарторыйского. Целью общества было восстановление независимости Речи Посполитой путем вооруженного восстания и преобразование правления на ее бывших землях в конституционно-монархическое. Создание организации было положено

эмиссаром Д. Булевским [2, л. 388—389 об.]. Знакомство эмиссара с обвиняемым Я. Былевским произошло следующим об разом. В 1833 г. по просьбе старого друга, пинского дворянина Я. Высоцкого, Былевский принял в своем доме трех польских офицеров — Енджеевского, Осмяловского и Каминского. Офицеры сумели совершить побег из-под стражи в г. Минске, где находились под арестом за участие в восстании 1830—1831 гг. Былевский помог им уйти за границу Российской империи. Эта история имела продолжение. В мае 1833 г. по рекомендации одного из офицеров к Я. Былевскому прибыл эмиссар Д. Булевский, находящийся с ним в дальнем родстве. Узнав о желании эмиссара добраться в Минск и Вильно, Я. Былевский отвез его за 20 миль в имение Ракитино к Я. Высоцкому, с которым эмиссар и совершил свои поездки. Позднее, не сумев пробраться в Мозырский и Пинский уезды, Д. Булевский поручил Я. Былевскому образовать в них общества по следующим правилам: «распространять дух польской национальности, запасать деньги и оружие и таким образом в случае необходимости быть готовыми присоединиться к восстанию». Будущие члены должны были присягнуть на верность обществу. В каждом уезде полагалось иметь секретаря, а также обязательно поддерживать связь с Вильно. Я. Былевский пытался убедить следственную комиссию, что эмиссар знал, что из его затеи ничего не выйдет. Он использовал создание общества в качестве повода для сбора денег, на которые собирался бежать из Австрийской империи во Францию. Следственная комиссия не поверила уверениям Я. Былевского. Тем более что было доказано следующее. После возвращения эмиссара в Галицию Былевский поехал

в Мозырь, где вел разговоры с Я. Рудзиевским, Н. Еленским и ксендзом П. Грабовским о намерении создать тайное общество. Присутствовавшие на встрече поддержали его. Они принесли присягу на верность обществу. Петр Грабовский был назначен секретарем. Сам Былевский принял условленное имя Самсоновский [5, л. 91—93].

В декабре 1833 г. к Я. Былевскому прибыл второй эмиссар — Н. Коперницкий. Он передал Былевскому «возмутительные книги», содержащие призывы к возрождению Отечества (т. е. Речи Посполитой. —С. Л.). Было установлено, что Я. Былевский передал книги П. Грабовскому, получил от него деньги и, добавив свои, отправил Д. Булевскому через Н. Коперницкого [5, л. 91—93]. Также он помог Коперницкому пере правиться за границу, где последний вместе с Д. Булевским впоследствии был арестован австрийскими властями [3, л. 11].

В начале 1834 г. Д. Булевский прислал к Я. Былевскому своего 15летнего сына Людовика. Последний должен был доставить письма сестрам отца. Одна из них проживала в Минске, у содержательницы женского пансиона г-жи. Гранд, а другая где-то в имении под Минском. Я. Былевский передал письма Ф. Терлецкому. Последний привез ответы от сестер, а также 20 рублей серебром в качестве материальной по мощи скрывавшемуся за границей брату, но сына Д. Булевского уже не застал. Дело в том, что отец, не дождавшись его в условленное время, прислал за Людовиком какую-то женщину на наемных лошадях. Так как сын Д. Булевского ответа от родственниц не дождался, то Я. Былевский дал ему 16 рублей из собственных денег, что было оценено следственной комиссией как помощь бежавшему преступнику [3, л. 57]. Через несколько недель Д. Булевский вновь прислал сына за деньгами, но Я. Былевский был болен и не смог его увидеть [3, л. 11]. Хочется обратить внимание, какое чудесное место представляла собой австрийско-российская граница в районе м. Броды. Кто только не переходил ее. К одному только Я. Былевскому в течение года прибывают два эмиссара, 15летний мальчик (который успевает дважды пересечь границу туда и обратно), и наконец, некая женщина на наемных лошадях приезжает в удобное ей время, чтобы отвезти сына к отцу! И это не считая трех польских офицеров, которые в течение того же года Я. Былевского покинули.

В начале апреля 1836 г. к Я. Былевскому в арендованное им имение Бутейки Ровенского уезда Волынской губернии приехал его старый знакомый уроженец Пинского уезда Минской губернии И. Родзевич с эмиссаром В. Дуниным (под этим именем скрывался Ш. Конарский во

время своего пребывания на территории Российской империи). Они объявили, что прибыли в целях создания общества под названием «Содружество польского народа», и заявили задачи, с которыми оно создавалось: вести себя честно, нравственно, презирать излишества, приобретать доверие крестьян. По словам Я. Былевского, он отказался принимать участие в обществе и даже укорял И. Родзевича за то, что последний, содействуя заезжему эмиссару, может сделать «всем худо» [3, л. 53—54]. По заверениям Былевского, проект, предлагаемый авторами «Содружества польского народа», по построению некоего высоконравственного общества, в котором помещики и крестьяне доверяют друг другу, представлялся ему утопическим и «мог быть приведен к исполнению через каких-нибудь сто лет» [3, л. 64 об.].

В октябре 1836 г. И. Родзевич с В. Дуниным приехали снова. На этот раз Я. Былевский не смог сопротивляться их напору, в особенности уговорам И. Родзевича, которому «был обязан за многие добрые дела» [3, л. 55]. При вступлении в «Содружество польского народа» Я. Былевский внес 6 рублей серебром. Деньги были отданы им И. Родзевичу. Ему предлагали звание секретаря в Луцком уезде, дали форму присяги и обещали снабдить правилами, которые он так и не получил. Былевский утверждал, что не был знаком со способами тайной переписки в обществе. Он также отрицал, что знает что-либо о Киевском, Варшавском и Виленском отделениях «Содружества польского народа» [3, л. 57].

Членов следственной комиссии особенно интересовал вопрос о том, насколько активно сам Я. Былевский и другие члены общества финансово участвовали в его жизнедеятельности. Следователи тщательно про анализировали изъятые в ходе обыска приходно-расходные книги обвиняемого [3, л. 38—45 об.]. В первую очередь их внимание привлекли суммы, которые были переданы Я. Былевским И. Родзевичу, а также кобринскому становому приставу. Последний подозревался в получении взятки. Надо отметить, что Я. Былевский отвечал на соответствующие вопросы следователей довольно невнятно [3, л. 56—57 об.].

Отдельно надо сказать об эпизоде, связанном с неким Юшкевичем. В приходно-расходной книге Я. Былевского было отмечено, что он да вал Юшкевичу деньги. Следственную комиссию интересовало, с какой целью это было сделано, а также где мог скрываться Юшкевич. Я. Былевский отвечал, что Юшкевич был человеком И. Родзевича, через которого он передавал долг его хозяину. А о том, где он может находиться, — ничего не знает [3, л. 38—45 об.]. На самом деле Юшкевич был участником восстания 1830—1831 гг. После его поражения он был од-

ним из тех, кто скрывался от преследований российских властей в болотах и лесах на территории современной Украины, имея «ямы вместо жилищ, коренья вместо пищи» [8, с. 503]. Переходя с места на место, Юшкевич попал в Уманский уезд к Крехковецкому. Оттуда К. Мышковский отвез его к шляхтичу Сарнецкому. Позднее странника приютил И. Родзевич под видом своего крестьянина Л. Гуменного, на имя которого Пинским казначейством был выдан паспорт. Сестра Родзевича, Тереза, тайно вывезла Юшкевича к Былевскому в имение Рафаловка, откуда ее подруга Ю. Скальковская перевезла его в с. Казимировку к ксендзу Яржине. Ксендз сумел передать скрывавшегося участника

восстания своему брату Леопольду во Владимирский уезд Волынской губернии. Тот отвез его в Кременец, где передал шляхтичу Ильницкому, который, в свою очередь, перевез его в Подольскую губернию в имение шляхтича Старорыпинского. Дальнейшая судьба Юшкевича нам неизвестна [8, с. 503—504]. Многозначительный эпизод. Одиннадцать человек (на самом деле больше, не все нам известны) на протяжении семи лет, рискуя собственным благополучием и благополучием своих семей, скрывали участника вооруженного восстания. Несмотря на все пред принятые полицией усилия, следы Юшкевича были обнаружены чиновником по особым поручениям Минского гражданского губернатора Богдановичем только в связи с тщательным следствием, вызванным арестом Ш. Конарского. Маленький эпизод помогает нам воссоздать картину взаимоотношений между шляхтичами бывших польских провинций и представителями российской власти в 30е гг. XIX в.

Уже в ходе первых допросов Я. Былевский принес «самое чистосердечное сознание» и раскаяние в своих преступлениях [3, л. 64]. Уверял, что первое преступление (помощь в побеге за границу трем польским офицерам) совершил только из чувства сострадания и любви к ближнему, что также дал бы приют пленным русским офицерам, если бы они бежали от поляков. Объяснял, что последующие преступления были связаны с влиянием Д. Булевского. Последний постоянно призывал к его шляхетской чести, что не позволяло Былевскому донести на даль него родственника российским властям [3, л. 64 об.]. Что же касается участия в деятельности «Содружества польского народа», то Я. Былевский подчеркивал, что вступил в него только под давлением И. Родзевича и в дальнейшем «избегал общества, чтобы не отвлекаться от дел для прокормления своего семейства» [3, л. 64 об.]. Тут следует отметить, что «прокормление семейства», действительно, было главной задачей в жизни Я. Былевского. Из восьми детей, рожденных в браке с А. Скаль-

ковской, пятеро умерли в детстве от различных заболеваний. Наиболее тяжело отец перенес смерть своего старшего и любимого 12-летнего сына. Каждый раз, вспоминая о нем, отец не мог удержаться от слез. Я. Былевский просил членов следственной комиссии ходатайствовать о его помиловании или уменьшении наказания, так как он «оставил беременную жену с тремя маленькими детьми на руках на чужбине без средств существования» [3, л. 65—65 об.].

В соответствии с приговором суда Я. Былевский был отнесен ко второму разряду государственных преступников, лишен дворянских прав и приговорен к ссылке в Сибирь на каторжные работы с конфискацией имущества. Добавим, что в соответствии с указом 1839 г. имения всех лиц, участвовавших в заговоре, конфисковывались [9, № 12697 а, 19964]. Учитывая чистосердечное раскаяние Я. Былевского, участь его была облегчена ссылкою на поселение с лишением всех прав дворянского сословия и конфискацией имущества. Приговор был исполнен 23 марта 1839 г. [5, л. 5—5 об.].

13 августа 1838 г. был арестован П. Грабовский. Из содержания составленной 11 ноября 1838 г. в канцелярии Минского гражданского губернатора записки мы узнаем, что Петр (сын Шимона) Грабовский являлся римско-католическим священником приходской церкви в м. Петриков Мозырского уезда. Возраст 43 года. Дворянского происхождения. Утвержден Минским депутатским собранием в 1803 г. и 1832 г. В 1837 г. получил соответствующее подтверждение из Герольдии Сената. Из недвижимого имущества владел только деревянным домом на церковной земле. Что касается движимого имущества, то выясняется, что в распоряжении П. Грабовского находились довольно значительные суммы денег (от 80 до 600 рублей серебром), переданные ему рядом лиц. С другой стороны, еще большему количеству людей П. Грабовский одолжил значительные суммы денег. В том числе самую крупную сумму (200 рублей серебром) Я. Рудзиевскому.

Можно предположить, что он брал и давал деньги в долг. Под судом и следствием по уголовным делам П. Грабовский не находился. В восстании 1831 г. не участвовал. Имел благонамеренный образ мыслей [3, л. 318—319]. Последнее положение было в ходе работы следственной комиссии исправлено и записано, что «образ мыслей имел вольнодумный» [5, л. 93—93 об.].

Виленская комиссия установила, что П. Грабовский к заговору Конарского не принадлежал. Однако в 1833 г. он был членом тайного общества, организованного эмиссаром Д. Булевским. Произносил установленную в обществе присягу, принял на себя обязанности секретаря

общества и взял условленное имя Паниградского. Читал сам и давал читать другим «возмутительные книги» [6, л. 1 об. — 2].

Более двух недель П. Грабовский молчал на допросах. Под давлением неопровержимых улик и свидетельств участников общества он начал давать показания. П. Грабовский не нуждался в услугах переводчика. Самостоятельно грамотно (как устно, так и письменно) отвечал на вопросы следователей на русском языке. Священник признался, что в 1833 г. в доме Я. Рудзиевского вступил в тайное общество, организованное эмиссаром Д. Булевским. В своих показаниях П. Грабовский постоянно подчеркивал, что образование общества было делом случайным и даже несерьезным. Например, когда он читал присягу для членов общества, то Я. Рудзиевский повторял ее «с трубкой в зубах» [2, л. 388]. Из членов общества, кроме Я. Былевского и Я. Рудзиевского, назвал толь ко Н. Еленского. Подчеркивал, что сомневался, можно ли будет найти пять членов комитета в уезде (как задумывалось организаторами). Утверждал, что никаких документов о деятельности общества (инструкций, устава, правил) он не имел и среди других не распространял. Утверждал, что план Я. Былевского по созданию Мозырского общества фактически «закончился ничем, и денежных складок никаких не было». Единственное, в чем признался П. Грабовский относительно деятельности общества, заключалось в распространении «Книг польского народа и пилигримства польского» А. Мицкевича. Он пояснил, что через три-четыре месяца после образования общества Былевский прислал ему письмо, в котором расспрашивал об успехах в распространении общества, а также 20 экземпляров «Книг польского народа», журнал, издаваемый польскими эмигрантами в Париже, листы «графленной» бумаги для записи денежных складок. П. Грабовский написал в ответ, что о распространении идей общества в уезде никто не думает, так как Я. Рудзиевский занят женитьбою, а Н. Еленский — устроением нового хозяйства. Одну книгу Мицкевича он оставил себе, остальные отдал Я. Рудзиевскому и секретарю римской консистории в Минске Ф. Тустановскому. Письмо Я. Былевского порвал, а листы бумаги отдал на кухню для хозяйственных нужд. Былевский просил за присланные книги выслать ему 40 рублей. Однако такой суммы у Грабовского не было, и он выслал 15 или 25 рублей (за давностью времени не помнил), причем в очередной раз подчеркивал, что это были его собственные деньги, а денежных складок члены общества никогда не делали [3, л. 180—181].

Комиссия военного суда приняла решение причислить П. Грабовского к третьему разряду государственных преступников. Он был при-

говорен к лишению духовного сана и высылке в Сибирь на поселение. Однако решением Виленского военного губернатора от 3 марта 1839 г. приговор был смягчен. 11 мая 1839 г. П. Грабовский был выслан в Ходарковский монастырь Киевской губернии без лишения прав состояния и с освобождением имущества от секвестра [6, л. 1 об. — 2].

По распоряжению Виленской следственной комиссии под председательством князя А. И. Трубецкого был арестован помещик Мозырского уезда Я. Рудзиевский. Из содержания записки, составленной в канцелярии Минского гражданского губернатора, мы узнаем, что Ян (сын Казимира) Рудзиевский происходил из дворян Мозырского уезда Минской губернии, 40 лет, римско-католической веры. Был женат на А. Чудицкой, от этого брака имел двух дочерей (Стефанию 3 лет и Еле ну 1,5 лет). Утвержден в дворянском достоинстве Минским дворянским депутатским собранием в 1802 г. и 1832 г., Герольдией Сената в 1833 г. Бывший Мозырский уездный предводитель дворянства. Имел в собственности имение Моисеевичи Мозырского уезда Минской губернии (400 крестьян); часть имения Камень, расположенного в Минском и частично Ошмянском уезде (6 дворов, 18 крестьян); часть имения Маньковцы в Ошмянском уезде Виленской губернии (20 дворов), а также в нераздельной собственности с братом и двумя сестрами поиезуитское имение Осовец в Мозырском уезде с принадлежащими ему фольварком и деревнями, в которых числилось 813 душ м. п. и 836 ж. п. По сведениям Минского гражданского губернатора, под следствием и су дом по уголовным делам он не был, к тайным обществам и масонским ложам не принадлежал. По слухам, в 1831 г. тайно поддерживал восставших, но доказательств чиновниками полицейского ведомства обнаружено не было [3, л. 159—162 об., л. 320—321].

На допросах в следственной комиссии Я. Рудзиевский сознался, что в 1831 г. принимал участие в отряде Ф. Кеневича, «стремясь избежать участия в преступных действиях», но был принужден к ним под угрозой смертной казни со стороны восставших. После поражения восстания Я. Рудзиевский бежал без паспорта в Краков. Позднее, тайно перейдя границу, возвратился в Мозырский уезд [5, л. 94—94 об.]. Я. Рудзиевский признался, что в 1833 г. вступил вместе с Н. Еленским и ксендзом П. Грабовским в тайное общество. Утверждал, что «весь сей союз окончился на первом же собрании» [3, л. 163 об]. Ксендз Грабовский в ходе допросов уличил Я. Рудзиевского в том, что давал ему книги (присланные из-за границы), за что получил от него 15 рублей серебром. Последний от этих показаний категорически отказывался [5, л. 94].

Я. Рудзиевский уверял, что эмиссаров Н. Коперницкого и Ш. Конарского никогда не видел, но относительно Н. Коперницкого признался в следующем. В начале 1834 г. он находился в Варшаве около 3 месяцев, а в его отсутствие И. Родзевич привозил к нему в дом Коперницко го. Я. Рудзиевский утверждал, что тогда же серьезно объяснился с Родзевичем. Разговор этот был неприятным для них обоих. Я. Рудзиевский объявил, что он обручился и намерен жениться, а в это время Родзевич привозит в его дом «Бог весть каких людей», что может погубить его семью. Потребовал, чтобы И. Родзевич больше никогда и ни под каким предлогом никого не привозил. Заявил, что прекращает любые политические отношения. Родзевич пытался оправдаться, объяснял, что Н. Коперницкий перешел границу без всякой политической цели, а только для получения денег от своих родственниц [3, л. 164].

После неприятного разговора, состоявшегося в начале 1834 г., старые приятели не виделись более двух лет. И. Родзевич появился в доме Я. Рудзиевского только в конце 1836 г. Он познакомился с женой хозяина, ее матерью и маленькой дочкой. После затянувшегося ужина остался ночевать. На следующий день Игнатий завел разговор о политике, о жизни польской эмиграции. Рассказывал, что эмигранты испытывают острую материальную нужду, что часто ссорятся между собою и что партия вельмож-аристократов уже отстранена от управления эмиграцией. Затем завел разговор о том, что с крестьянами надо обходиться ласково и не давать им слишком много работы. Рудзиевскому этот раз говор очень не понравился. Он отвечал резко, что заигрывать с крестьянами «самоопаснейшее средство и что мужики при малейшем возмущении

истребили бы сначала нас, помещиков и управителей имений». Рудзиевский критиковал также действия эмиграции, особенно посылаемых ей в край эмиссаров. Он считал, что эмиссары «рано или поздно будут открыты и принесут несчастье и себе и всем лицам, принимавшим в том участие». Разговор закончился тем, что Родзевич назвал друга трусом, заявил, что женатые люди «ни к чему не способны», и больше в имении Моисеевичи не появлялся [3, л. 165].

Виленская следственная комиссия пришла к выводу, что Я. Рудзиевский не имел связей с Ш. Конарским и не принадлежал к демократическому обществу [5, л. 94 об.]. 11 февраля 1839 г. комиссия военного суда причислила Рудзиевского к четвертому разряду преступников и постановила выслать его на постоянное местожительство в отдаленные губернии под полицейский надзор с разрешением пользоваться доходами принадлежащих ему имений [5, л. 98—98 об.]. Приговор был ут-

вержден Виленским военным губернатором. 17 марта 1839 г. Я. Рудзиевский отправился в ссылку в Пермскую губернию [6, л. 3 об. — 4].

Н. Еленский был уличен Я. Былевским, П. Грабовским и Я. Рудзиевским в участии в тайном обществе, созданном в 1833 г. по инициативе Д. Булевского. В соответствии с запиской, составленной в канцелярии Минского гражданского губернатора, дворянин Минской губернии Наполеон (сын Феликса) Еленский, 27 лет, был утвержден губернским депутатским собранием в 1802 г. и 1835 г., определение собрания подтверждено Герольдией в 1837 г. Римско-католического вероисповедания. В общем владении с сестрой Мальвиною имел в Мозырском уезде имение Лучицы, в которое входили фольварок Лучицы, а также дерев ни Лучицы, Слобода, Хойна и Рудня с 238 крест. душ м. п. и 297 ж. п. Кроме того, во владении его матери находился фольварок Косейки с тремя деревнями (крестьянских душ 162 м. п. и 171 ж. п.), отданный в арендное содержание. Под следствием и судом по уголовным делам не был. К тайным обществам не принадлежал. В 1831 г. на него поступил донос о том, что собирал заговорщиков в своем доме и вооружал крестьян для восстания. Был освобожден Минской следственной комиссией из-за нехватки доказательств. Был замечен в вольнодумных мыслях, но вел себя добропорядочно [3, л. 322—323].

По признанию самого Н. Еленского, в 1831 г. он принимал участие в восстании в радзивилловском ополчении, но получил прощение [3, л. 14]. В своих показаниях от 19 августа 1838 г. Н. Еленский утверждал, что с Я. Рудзиевским был знаком со времени возвращения из Виленского университета в 1830 г. С Я. Былевским познакомился в 1833 г. в доме Я. Рудзиевского. С Я. Еленским был знаком с детства, так как они братья. Однако в «политические разговоры с ним никогда не входил» и в целом общался редко из-за того, что они проживали на значительном расстоянии друг от друга. С. Козакевича знал в годы учебы в Виленском университете, но дружеских отношений с ним не имел. С И. Родзевичем познакомился в собственном доме в Лучицах, куда приезжал Игнатий. И. Родзевич предлагал Н. Еленскому вступить в тайное общество, основанное на демократических принципах, давал читать документы, касающиеся его деятельности. Но так как в них говорилось, что надо «подружиться с холопами», то Н. Еленский категорически отказался от участия в обществе, хотя Родзевич и предлагал ему должность секретаря. С Ш. Конарским не был знаком [3, л. 145—150 об.].

На допросах в следственной комиссии Н. Еленский держался мужественно. Признательные показания давал только под давлением нео-

проверживых улик, очных ставок, доказательств со стороны других подследственных. В частности, он вынужден был признать существование в Мозырском уезде тайного общества, созданного по правилам эмиссара Д. Булевского. Однако подчеркивал, что создание общества проходило в несерьезной, скорее шуточной обстановке, присягу никто не приносил и в дальнейшем никакой деятельности не осуществлял [3, л. 270—270 об.].

Наиболее серьезные обвинения против Н. Еленского выдвинул И. Родзевич. Н. Еленский вынужден был согласиться, что однажды за вел с Игнатием разговор о знакомом купце из Бобруйска, у которого можно было приобрести порох, свинец и оружие, и интересовался, не стоит ли сделать такой запас [3, л. 276—276 об].

Вероятно, Ш. Конарский узнал о Н. Еленском от кого-то из эмигрантов в Галиции, так как просил Родзевича найти его в Мозырском уезде. Родзевич в начале 1836 г. поехал к Н. Еленскому, объявил ему о существовании тайного общества, оставил организационные документы и просил его именем эмиссара Ш. Конарского и именем С. Козакевича (от которого привез пароль «Витольд») принять обязанности секретаря. Наполеон оставил у себя переданные ему документы и книги. Однако когда Родзевич через несколько дней вернулся, чтобы узнать его решение, Еленский вступать в общество отказался. По утверждению И. Родзевича, они «спорили по многим предметам». Расстроенный этими спорами Родзевич уехал к Яну Еленскому, двоюродному бра ту Наполеона [3, л. 215—215 об.]. Дальнейшие показания братьев Еленских проясняют для нас причины столь неприятных для И. Родзевича споров. Во-первых, это несогласие по вопросу об отношениях шляхты с крестьянами, о необходимости их просвещения и привлечения, как равных, к возможному новому восстанию против российского правительства. Во-вторых, это недоверие со стороны Н. Еленского к очередному пришлому эмиссару, который навязывает местным шляхтичам свои «правила игры»: должности, присягу и т. п., что подвергает большой опасности судьбы и даже жизни участников тайного общества в случае его обнаружения властями.

Следственная комиссия пришла к выводу, что в 1833 г. Н. Еленский в имении Я. Рудзиевского Моисеевичи вступил в тайное общество, организованное по плану Д. Булевского, и принял условленное имя — Ксеард, совершил присягу, читал организационные документы общества, а позднее во избежание обнаружения сжег их. В бумагах Н. Еленского был обнаружен устав «Содружества польского народа», переписанный

его собственной рукою, что свидетельствовало о его интересе к деятельности общества, хотя в своих показаниях он и утверждал, что отказался быть его членом [5, л. 94 об. — 95]. В результате Н. Еленский был отнесен к третьему разряду государственных преступников, лишен дворянства и сослан рядовым без выслуги в отдельный Кавказский корпус. Принадлежащее ему недвижимое имущество разрешено было оставить законным наследникам [5, л. 98—98 об.].

Практически одновременно с Н. Еленским был арестован его двоюродный брат. Ян (сын Павла) Еленский дворянин Мозырского уезда Минской губернии, 30 лет. Был утвержден в дворянских правах Минским губернским депутатским собранием 27 августа 1809 г., а 25 мая 1835 г. признан Герольдией Сената. Собственного недвижимого имения не имел. Во владении его отца находились в Мозырском уезде имения Копаткевичи, Люденовичи и Кольно. Под следствием и судом по уголовным делам не был и к тайным обществам не принадлежал. В 1831 г. служил в ополчении Царства Польского, в сражении против российских войск был взят в плен, но по монаршему повелению прощен. Местный земский исправник отмечал за Я. Еленским вольнодумный образ мыслей, хотя он и вел себя добропорядочно [3, л. 316 об. — 317]. Э

И. Родзевич на допросах показал, что познакомился с Я. Еленским в 1831 г. в доме князя Любецкого. В декабре 1834 г. эмиссар Коперниц кий встречался с Яном, с которым ранее был знаком [3, л. 215—215 об.]. После появления в крае эмиссара Ш. Конарского Родзевич приезжал к Я. Еленскому домой и рассказал ему о создании тайного общества. Как мы знаем, это произошло после встречи И. Родзевича с Н. Еленским и неприятного разговора, состоявшегося между ними. От Яна Родзевич услышал, что Наполеон «не имеет доверия» к нему и «весьма им недоволен». Тогда И. Родзевич предложил Яну принять должность секретаря и забрать у Наполеона организационные документы общества, что Ян и обещал сделать. И. Родзевич также выдвинул против Я. Еленского обвинение, заявив, что получил от него 280 рублей серебром на покупку за границей книг, издаваемых польской эмиграцией [3, л. 216].

Косвенно обвинил Я. Еленского и Я. Рудзиевич. Он рассказал в следственной комиссии, что тот действительно собирал деньги и просил его сделать взнос, правда, не для общества, а для одного бедного человека, отказавшись назвать фамилию нуждавшегося [3, л. 164 об.]. Дал показания против Я. Еленского и виленский адвокат С. Козакевич. Он утверждал, что на контрактах в Минске в 1836 г. оба брата Еленских, Наполеон и Ян, интересовались деятельностью эмиграции, а также тем,

есть ли «от нее действующие лица в крае». Кроме того, С. Козакевич встречался с Яном в 1837 г. в Вильно, где последний допытывался, существуют ли какие-либо тайные общества против российских властей в городе и кто в них участвует [3, л. 275].

Читая материалы следственных дел, складывается ощущение, что члены тайного общества (за исключением И. Родзевича, который с из лишним жаром пытался вовлечь в «Содружество польского народа» как можно больше лиц, не всегда задумываясь о возможных последствиях такой поспешности) не вполне доверяли Я. Еленскому, не были уверены в его способности «держать язык за зубами». Как оказалось, напрасно. Я. Еленский на допросах не оговорил никого из своих товарищей и в целом держался довольно уверенно. Тем не менее причины этого не доверия довольно быстро стали ясны. После завершения работы Виленской следственной комиссии к председателю военного суда Д. П. Полозову обратился отец Я. Еленского. П. Еленский просил освободить сына от ответственности, так как последний был много лет болен «меланхолией» и с такой болезнью не мог быть деятельным участником тайного общества. К обращению были приложены письменные свидетельства двух врачей, подтверждавших слова отца [5, л. 8—8 об.]. Первое свидетельство было подписано доктором медицины и хирургии коллежским советником Спасовичем. Доктор утверждал, что в 1823 г. он лечил Я. Еленского, который страдал «помешательством ума разнопредметным (mania vagans)». Болезнь была весьма продолжительна и сильна [5, л. 9]. Второе свидетельство было выдано доктором медицины и хирургии Мяновским. В нем также утверждалось, что Я. Еленский «страдал помешательством ума» [5, л. 10].

Комиссия военного суда приняла во внимание представленные свидетельства. Несмотря на то что была доказана принадлежность к «Содружеству польского народа» не только Наполеона, но и Яна Еленских, Я. Еленский был причислен к четвертому разряду государственных преступников. Он был приговорен к высылке на постоянное местожительство «в отдаленные губернии» под полицейский надзор без лишения дворянских прав и с возможностью пользоваться доходами принадлежащих ему имений [5, л. 98—98 об.].

По делу о Мозырском тайном демократическом обществе следствен ной комиссией были арестованы управляющий имением помещика С. Корсака Г. Зеленка и служащий Я. Былевского А. Гутовский.

Генрих (сын Валентия) Зеленка, 35 лет, происходил из дворян Радомышльского уезда Киевской губернии. Имел на территории Киевской

губернии собственное имение Красница (30 крестьянских дворов) в неразделенном владении с тремя братьями. Под судом и следствием по уголовным делам не был. За участие в восстании 1831 г. состоял под судом в Киевской следственной комиссии, но какое было принято решение по делу, Минскому губернскому правлению было неизвестно. О поведении и нравственных качествах Г. Зеленки местные полицейские чиновники ничего добавить не могли (из-за кратковременного проживания его в пределах губернии) [3, л. 314 об. — 315].

Подозрение следователей вызвало знакомство Г. Зеленки с арестованными по делу Ш. Конарского И. Родзевичем, Я. Былевским и П. Грабовским. Впервые Г. Зеленка был допрошен 30 августа 1838 г. Арестованный пояснил, что с П. Грабовским он учился в одном училище, с Я. Былевским его познакомил в Минске помещик Корсак, но в дальнейшем в доме Былевского он никогда не был [2, л. 175—178 об.]. Что касается знакомства с И. Родзевичем, то оно произошло при следующих обстоятельствах. Зеленка исполнял обязанности управляющего имением помещика С. Корсака в Пинском уезде. Однажды он получил записку от своего старого друга Н. Коперницкого. Последний про сил его о встрече в придорожной корчме. Г. Зеленка застал в корчме Коперницкого с И. Родзевичем. Н. Коперницкий просил Зеленку передать письмо его сестре в Речицкий уезд. Генрих согласился, письмо передал и привез от сестры деньги, которые отдал Н. Коперницкому в имении Я. Рудзиевского Моисеевичи. Зеленка уверял следователей, что помог Коперницкому как другу, не зная о том, что он прибыл в Пинский уезд в качестве эмиссара. Позднее (1836 или 1837 г. — точно не ясно), находясь в городе Пинске по хозяйственным делам, Г. Зеленка встретил И. Родзевича. Последний сообщил ему, что в их уезде существует демократическое общество, и предложил к нему присоединиться. Разъяснил, что обязанность его будет состоять в «исправлении нравственности крестьян», а также в том, чтобы уговаривать помещика С. Корсака обходиться с крестьянами ласково. Г. Зеленка не согласился [5, л. 96 об.— 97 об.].

Решением следственной комиссии Г. Зеленка был отнесен к пятому разряду преступников. В качестве наказания ему было вменено время нахождения под судом и арестом. В феврале 1839 г. он был освобожден на прежнее место жительства под надзор полиции [5, л. 98—98 об.].

Александр Гутовский, 24 лет, дворянин Минской губернии. Нет ни каких сведений об утверждении его в дворянском достоинстве (возможно, даже не подавал документы). Недвижимого имения в собственнос-

ти не имел, находился в услужении у Я. Былевского. Под судом и следствием по уголовным делам не был. В событиях 1831 г. не участвовал, «поведение имел скромное». На допросах следственной комиссии по казал , что был принят Я. Былевским в демократическое общество, со вершил установленную присягу. Однако в комиссии военного суда заявил, что дал ложные показания «от страха, к обществу не причастен, присяги не давал», что было подтверждено показаниями Я. Былевско го [5, л. 97 об. — 98].

В ходе следствия выяснилось, что А. Гутовский был родственником И. Родзевича. Он неоднократно бывал в имении Лисово Пинского уезда, где проживала его сестра. Встречался там с Ш. Конарским, однако знал его только под именем шляхтича В. Дунина. Гутовский признался, что Дунин вел с ним разговоры в духе демократической

пропаганды. Кроме того, один раз он выполнил поручение Дунина: отвез в имение Грозовку для Е. Брынка тюк с книгами, содержания которых не знал. Не застав хозяина, отдал книги доктору А. Мацкевичу и просил передать их Брынку [5, л. 97 об. — 98]. В судьбе А. Гутовского решающую роль сыграли показания, данные Ш. Конарским. И на этот факт следует обратить особое внимание. Существует сложившаяся точка зрения, что на допросах в следственной комиссии Ш. Конарский вел себя мужественно и не оговорил никого из своих товарищей. Такой взгляд на события появился в польской эмигрантской литературе [1] сразу после казни Конарского и утвердился в работах историков советского периода [10, 11]. Автор также считала его вполне обоснованным [7, с. 89]. Ш. Конарского, действительно, не испугали угрозы, побои и издевательства следователей. Но он вступил с ними в диалог, и этот диалог был им, безусловно, проигран. Докажем это, возвращаясь к судьбе шляхтича А. Гутовского.

Какие доказательства в причастности Гутовского к тайному обществу были у представителей российской власти? Во-первых, его собственные показания, которые он дал из-за опасений за свою жизнь и от которых позднее отрекся. Признание в том, что он однажды выполнил просьбу Ш. Конарского и отвез упакованные им книги, названия и со держания которых не знал, в Слуцкий уезд. Во-вторых, показания И. Родзевича. Последний утверждал, что А. Гутовский знал Ш. Конарского только под именем Викентия Дунина. В-третьих, служба у Я. Былевского, которая могла допускать не только деловые отношения. Однако Былевский категорически отрицал любое участие А. Гутовского в делах тайного общества. И наконец, показания самого Ш. Конарского

[3, л. 331—332 об.]. На допросе где-то в первых числах декабря 1838 г. Шмон рассказал, что А. Гутовский был членом общества в Мозырском уезде. Принял его Я. Былевский. Кстати, несмотря на все усилия следователей, эта информация так и не подтвердилась, в противном случае А. Гутовский получил бы совершенно иной приговор, чем тот, который реально состоялся. Ш. Конарский рассказал также, что после завершения своей службы в Рафаловке у Я. Былевского Александр несколько недель жил в Лисово, где они неоднократно вместе ходили на охоту и прогуливались и где Конарский «говорил о путях просвещения шляхты и крестьян» [3, л. 332]. Однажды Ш. Конарский попросил А. Гутовского отвезти Е. Брынку в Слуцкий уезд около 30 книг, причем назвал, что среди них были «Книги польского народа и пилигримства польского» А. Мицкевича, «Политический катехизис» Я. Яновского, произведения И. Лелевеля и М. Мохнацкого. Одного этого перечисления было достаточно, чтобы подписать обвинительный приговор любому человеку в Российской империи! А. Гутовский выполнил поручение. Однако не застав дома Е. Брынка, который уехал в Кореличи, он оставил книги доктору А. Мацкевичу. Во время встречи А. Гутовский и А. Мацкевич разговаривали о необходимости хорошо обращаться с крестьянами и о том, что для этой цели создано тайное общество. В ходе дальнейших допросов А. Мацкевич категорически отрицал любые разговоры на политические темы [2, л. 15—17]. Твердо держался и Е. Брынк. Он не только не сознался в принадлежности к тайному обществу, но и отрицал факт получения запрещенных книг [2, л. 126 об. — 128]. Таким образом, судьбу А. Гутовского решили показания Ш. Конарского. Он был обвинен в том, что слушал пропагандистские речи эмиссара и не донес об этом представителям российского правительства, а также в распространении революционной литературы. А. Гутовский был отнесен к четвертому разряду преступников и отправлен рядовым в отдельный Кавказский корпус с возможностью выслуги без лишения прав дворянского достоинства [4, л. 19 — 20].

Подведем итоги. По делу о Мозырском демократическом обществе в Виленской следственной комиссии проходили семь человек. Комиссия пришла к выводу, что П. Грабовский, Я. Рудзиевский, Г. Зеленка не имели никаких связей с Ш. Конарским и

созданной им организацией. А. Гутовский был знаком с самим Конарским и даже один раз выполнил его поручение, но членом «Содружества польского народа» не являлся. Таким образом, в Мозырское тайное общество входили Я. Былевский, Наполеон и Ян Еленские. Напомним, что последний из них 313 имел психическое заболевание и не вполне отвечал за свои действия. Остаются двое: Я. Былевский и Н. Еленский. В чем заключалась их деятельность в рамках общества? В чтении его организационных документов и запрещенной эмигрантской литературы, разговорах с И. Родзевичем, попытках определить, насколько можно доверять пришлому эмиссару. Вот собственно и все. Пойдем дальше. «Содружество польского народа» имело принципиальные отличия от многочисленных пред шествующих тайных организаций, ставивших своей целью восстановление независимости Речи Посполитой. Ш. Конарский и его единомышленники пришли к выводу о необходимости действовать против российского господства вместе с крестьянами, для чего надо было освободиться от господства над ними, сделать их равными себе гражданами. Но как раз по этому вопросу И. Родзевич, наиболее активно пропагандировавший новые взгляды в Мозырском уезде, не встретил понимания ни у Я. Былевского, ни у братьев Еленских. Следователей особенно интересовало, каким образом в Мозырском уезде тайное «аристократическое» общество, основанное Д. Булевским в 1833 г., превратилось в «демократическое» (основанное на принципах Ш. Конарского). На наш взгляд, вопрос стоит поставить иначе: перешел ли кто-либо из членов старого «аристократического» тайного общества на новые «демократические» позиции? Материалы следственного дела не дают нам возможности положительно ответить на этот вопрос. Я. Былевский был убежден, что общество, в котором помещики и крестьяне доверяют друг другу, могло быть создано «через каких-нибудь сто лет». Н. Но вицкий отказывался «подружиться с хлопами», т. е. ни один из них не разделял взгляды Ш. Конарского по этой проблеме.

Взглянем на участников следственного дела с другой стороны. Перед нами группа людей, объединенных дружескими и родственными связями, которые были недовольны российским господством в крае, но старались скрывать свои мысли от широкого окружения. У этих людей были свои понятия о достоинстве и чести. Рискуя собственной без опасностью, они помогали скрывавшимся участникам восстания 1831 г., эмигрантам и их родственникам. Четверо из них (Я. Былевский, П. Грабовский, Я. Рудзиевский, Н. Еленский) образовали в 1833 г. тайное общество, читали запрещенную литературу, пытались найти связи с единомышленниками в Вильно, интересовались тем, что происходило в эмиграции, собирали средства в помощь бедным соотечественникам. При этом на протяжении многих лет им удавалось не привлекать внимание местной полиции. В 1836 г. в их жизни с активной жаждой дея-

тельности и с новыми взглядами появляются И. Родзевич и Ш. Конарский. Каким образом их появление изменило совместную деятельность знакомого нам круга людей? Она стала более активной? Пожалуй, нет. Более организованной? Тоже нет. Но их жизнь стала более опасной. Фактически И. Родзевич с Ш. Конарским, пусть и не желая того, сыграли роль своеобразных провокаторов. Они «выявили» в Мозырском уезде сочувствующих их патриотическим идеям людей, и попав в руки следователей, отправили туда же сочувствующих. С этого момента судьба каждого из знакомых нам семи человек круто изменилась (вынесенные им приговоры см. выше).

Неожиданным оказался итог нашего расследования. И неутешительным. Возможно, изучение деятельности других демократических обществ, входивших в «Содружество польского народа» на территории Беларуси, будет иметь другие результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лелевель, И. Из речи на торжественном собрании в девятую годовщину восстания 1830 г., устроенном поляками совместно с бельгийцами в Брюсселе / И. Лелевель / Из бранные произведения прогрессивных польских мыслителей: в 3 т. Подбор и ред. тек стов, вступит. статьи и прим. И. С. Миллера и И. С. Назаренко. М. : Соцэкгиз, 1956. Т. 2. С. 232—234.
2. Литовский государственный исторический архив в г. Вильнюсе (далее — ЛГИА). Фонд 1269 (Следственные комиссии о тайных обществах, г. Вильно). Оп. 1. Д. 2. След ственные протоколы по делам Яна Былевского, Адама Гайковича, Яна Еленского, Коча новского, Станислава Козакевича, Эмануэля Любовицкого, А. Пипера, Казимира Рап чинского, Яна Высоцкого. Дело Ф. Александрович (урожденной Коперницкой). Пере писка о разных лицах, состоящих под следствием. 454 л.
3. ЛГИА. Фонд 1269. Оп. 1. Д. 5. Показания Ежи Брынка, Томаша Булгака, Яна Бы левского, Петра Грабовского, Александра Гутовского, Яна Еленского, Наполеона Елен ского, Шимона Конарского, Седарда Кончи, Станислава Козакевича, Людвика Орды. Игнатия Родзевича, Эдварда Ромера, Северина Ромера, Яна Рудзевского, Казимира Ша левича, Адама Сузина, Яна Высоцкого, Генриха Зеленки. 362 л.
4. ЛГИА. Фонд 1269. Оп. 1. Д. 18. Следственные дела членов Мозырского тайного демократического общества, которые поддерживают отношения с Ш. Конарским. След ственные дела разных лиц, причастных к делу Конарского. Дело Юстина Гребницкого. 94 л.
5. ЛГИА. Фонд 1269. Оп. 1. Д. 19. Следственные дела членов Мозырского тайного демократического общества: Яна Былевского, Петра Грабовского, Александра Гутовско го, Яна Еленского, Наполеона Еленского, Яна Рудзиевского, Генриха Зеленко. 99 л.
6. ЛГИА. Фонд 1269 (Следственные комиссии о тайных обществах, г. Вильно). Оп. 1. Д. 24. Список лиц, осужденных по делу Ш. Конарского и других политзаключенных, об виняемых в принадлежности к тайным обществам. 46 л.
7. Луговцова, С. Л. Политика российского самодержавия по отношению к дворян ству Беларуси в конце XVIII — первой половине XIX в.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / С. Л. Луговцова. Минск, 1999. 134 с.

8. Мошковский, К. Рукопись в тюрьме / К. Мошковский // Русский архив, 1909. Кн. 1. № 4. С. 483—534.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе: в 55 т. Т. 14. СПб. : Тип. II отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцел., 1843.
10. Смирнов, А. Ф. Революционные связи народов России и Польши, 30—60е годы XIX в. / А. Ф. Смирнов. М. : Соцэкгиз, 1962. 427 с.
11. Barszczewska, A. Szymon Konarski / A. Barszczewska. Warszawa : Wiedza powszechna, 1976. 271 s.
12. Łepkowski, T. Narod bez państwa / T. Łepkowski // Polska losy panstwa i narodu / Pod red. Samsonowicz H., Tarbir J., Łepkowski T. Warszawa: Iskry, 1992. S. 277—325.